

- ⁵² Кузнецов В.И. Дворянская усадьба в структуре сельских поселений Российского государства // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1989. № 6. С. 52–59.
- ⁵³ В рефедь (арефедь, орефидь, рифидь) – ромбами, в косую клетку.
- ⁵⁴ Бечета (бечата, бичета) – самоцветный красный камень: яхонт, лал, рубин либо гранат.
- ⁵⁵ Басма – тонкий образной оклад.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 159, оп. 2, д. 4086, л. 1.
- ⁵⁷ Ендова – низкая большая братина для пива, браги, меда.
- ⁵⁸ Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков: Соуществование и противостояние. М., 2005. С. 85–97.
- ⁵⁹ Настрафиль – сорт сукна.
- ⁶⁰ Долومان – длинная верхняя одежда; обинной – из грубого сукна.
- ⁶¹ РГАДА, ф. 141, оп. 3 (1662 г.), д. 15, л. 15.
- ⁶² Там же, оп. 6 (1678 г.), д. 83, л. 9.
- ⁶³ Там же, оп. 7 (1690 г.), д. 255, л. 1.
- ⁶⁴ Там же, л. 48–52.
- ⁶⁵ Камзол – одежда без рукавов, напоминающая жилет.
- ⁶⁶ Алексеев В. Указ. соч. С. 55.
- ⁶⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 9, № 310, ст. 6, л. 1, 2.
- ⁶⁸ Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 20. М., 1948. С. 36.
- ⁶⁹ Сговорные и рядные записи последней четверти XVII ст. и первой четверти XVIII ст. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XII. Вып. 1. Нижний Новгород, 1912. С. 74.
- ⁷⁰ Там же. С. 75.
- ⁷¹ Охабень – верхняя длинная мужская одежда с четвероугольным воротником.
- ⁷² Изуфрь – сорт шерстяной ткани.
- ⁷³ Епанча (япанча) – род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов.
- ⁷⁴ Стамедь (стамед) – род шерстяной ткани.
- ⁷⁵ Опашень – мужская и женская верхняя летняя одежда свободного покроя с рукавами и на подкладке.
- ⁷⁶ Камка – китайская шелковая цветная узорчатая ткань.
- ⁷⁷ Дорога – восточная шелковая ткань.
- ⁷⁸ Ферезь – мужское длинное платье без воротника.
- ⁷⁹ Летник – род женской одежды.
- ⁸⁰ Однорядка – верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки.
- ⁸¹ Дылея – род длинной одежды.
- ⁸² Шувай – род кофты с рукавами.
- ⁸³ Мисюрка – род шлема с железной верхушкой и сеткой.
- ⁸⁴ Надолонки – род военного доспеха для защиты ладоней.
- ⁸⁵ РГАДА, ф. 141, оп. 3 (1657 г.), д. 43, л. 33–35. Документ указан П.А. Прудовским.
- ⁸⁶ Там же, л. 6.

© 2010 г. А. С. МАЙОРОВА *

КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДВОРЯНСТВА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ в конце XVIII – первой половине XIX века

Дворянская культура в общем социокультурном процессе в России на протяжении XVIII–XIX вв. занимала очень важное, порой ведущее место, что не вызывает сомнения у современных историков. Но если обратиться к региональному аспекту этой

* Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

проблемы, то можно предположить, что доминирующее значение культуры дворянства не могло быть характерно для всех регионов России. Ведь дворянское землевладение существовало не везде. Кроме того, сама по себе сословная культура дворянства в такой обширной стране, как Россия, не могла быть абсолютно однородной. Данное исследование посвящено выяснению особенностей дворянской культуры на территории Саратовской губ., а также той роли, которая принадлежит местному дворянству в формировании культурного пространства губернии с конца XVIII в. до 1861 г. Нижней хронологической гранью является 1780 г. – дата образования губернии. Это событие повлекло за собой довольно быстрое увеличение количества помещичьих имений и способствовало численному росту дворянства. Л.Н. Юровский пишет, что в середине XIX в. Саратовскую губ. уже можно было назвать помещичьей¹. Верхняя хронологическая граница определяется кардинальным изменением условий существования помещичьего хозяйства, что повлекло за собой перемены в сословной культуре дворянства. Изучаемый период интересен также тем, что он включает десятилетия, которые в масштабах всей России считаются временем расцвета усадебной культуры (конец XVIII – начало XIX в.). Вопрос о том, была ли Саратовская губ. затронута этим явлением, требует особого внимания.

Специалисты в области регионоведения указывают на необходимость изучения культуры России с целью обретения региональной идентичности. Например, И.Я. Мурзина подчеркивает: «Введение понятия “региональная культура” позволяет расширить границы исследования и охарактеризовать специфику отдельных региональных общностей»². Основным направлением изучения она считает осмысление их этнокультурных различий. Но здесь важен не только этнокультурный, но и социокультурный аспект. Он дает возможность использовать современный системно-функциональный подход к области культуры. В связи с этим необходимо обратиться и к проблеме повседневной жизни определенного сословия, в данном случае дворянства. Особые черты повседневности позволяют оценить условия, в которых существовала духовная культура, и определить направления ее развития.

Формирование поместного и вотчинного землевладения в Саратовском Поволжье началось еще в XVII в., но до последних десятилетий XVIII в. оно протекало медленно. В конце XVIII в. этот процесс значительно интенсифицировался, что было связано с изменением геополитической обстановки в Северном Причерноморье и на Кавказе. В результате успешного завершения русско-турецких войн конца XVIII в. границы Российской империи продвинулись до Кубани. В соответствии с Кючук-Кайнарджийским мирным договором в ее подданство на Северном Кавказе перешли Кабарда, Северная Осетия и другие районы. По условиям Ясского мира 1791 г. Турция брала на себя ответственность за вторжения в пределы России закубанских народов, что составляло ранее постоянную угрозу для Нижнего Поволжья³. Линия русских крепостей, входивших в состав Кавказского наместничества, стала средством действенной защиты для нижеволжского региона.

В связи с укреплением безопасности территории Нижнего Поволжья и в результате целенаправленной политики правительства с конца XVIII до середины XIX в. количество дворянских имений здесь многократно возросло по сравнению с предшествующим временем. Т.В. Платонова показала неравномерность распространения дворянских имений по уездам. Так, например, в Сердобском, Петровском, Аткарском, Балашовском, Кузнецком и Саратовском уездах дворянское землевладение преобладало. В Хвалынском, Камышинском и Царицынском уездах оно не получило развития⁴. В Заволжье, южнее и юго-восточнее Николаевского уезда Саратовской (с 1750 г. Самарской) губ., его почти не было⁵.

Степень влияния дворянства на преобразование культурного пространства определенной губернии зависела от численного состава и уровня благосостояния представителей этого сословия в данной губернии или области. В изучаемое время уровень благосостояния определялся числом душ крепостных крестьян, которыми владел помещик. Массовые сведения такого характера по Саратовской губ. были найдены и раз-

работаны М.В. Булычевым только за 1834 и 1858 гг. На основании его подсчетов Платонова определила удельный вес групп дворян Саратовской губ., различавшихся по этому признаку, в указанные годы. Исследовательница относит к группе крупных и крупнейших вотчинников владельцев 500–1 тыс. душ крепостных мужского пола, их было менее 10%. Среднепоместных дворян, владевших 100–500 душами – менее 25%. Численность мелкопоместных землевладельцев (менее 100 душ) доходила до 70% и более⁶. Таким образом, в Саратовской губ. в 1830–1850-х гг. значительное большинство дворян принадлежало к числу мелких землевладельцев. Они не обладали достаточными возможностями, чтобы оказывать влияние на культурную ситуацию в губернии, поскольку самые яркие атрибуты дворянской культуры требовали значительных затрат.

В наибольшей степени это проявлялось в устройении усадеб. Они представляют собой системообразующий элемент сословной культуры в изучаемый период. В «Очерках русской культуры XIX века» дается обоснование интереса к миру усадьбы: «Загородный усадебный ансамбль стал той социокультурной средой, которая во многом определила стиль жизни представителей господствующего сословия»⁷. О.С. Евангулова выделяет следующие типы усадеб конца XVIII – начала XIX в.: «чисто хозяйственные» (ориентированные на получение дохода); места летнего пребывания – дачи вблизи столиц; большие усадьбы «мемориального» характера; царские резиденции и усадебные комплексы богатейших вельмож, ориентированные на массовые увеселения с участием публики; усадьбы-«замки» и универсальные усадьбы. Последний тип усадеб был наиболее распространен⁸. Объектом внимания исследовательницы являются «художественно организованные» поместья, вопрос об уровне достатка их владельцев не затрагивается, но можно догадаться, что уделять внимание эстетической стороне своего быта или научным занятиям могли только богатые помещики.

Влияние дворянства на культуру города никем не оспаривалось, однако изучено пока недостаточно. Л.В. Кошман отмечает, что дворяне (а в пореформенный период и зажиточное купечество) составляли «небольшую часть городского населения, в основном, губернского города, являлись городской элитой и оказывали влияние на культурную ситуацию в городе»⁹. Однако, по ее мнению, культура провинциального города – это культура разночинская¹⁰.

Первые труды об усадьбах Саратовской губ. появились в начале XX в., когда дворянская усадьба переживала острый кризис. Революция 1905–1907 гг., выступления крестьян, которые зачастую сопровождалась погромами и даже сожжением усадеб, заставили историков рассматривать их как «исчезающую реальность». Особенно драматичной была ситуация в Саратовской губ., где крестьянское движение в тот период приобрело наибольший размах. Например, работа В. Верещагина об усадьбе Голицыных в Зубриловке появилась через 3 года после ее сожжения в 1905 г.¹¹ Еще через 3 года А.А. Голомбиевский написал о другой богатой и некогда знаменитой усадьбе Саратовской губ. – в Надеждино¹², которая ко времени появления статьи уже не принадлежала своим прежним владельцам князьям Куракиным. В настоящее время существуют 2 обобщающие работы о дворянских усадьбах Саратовской губ. – И.К. Ежовой и О.Б. Сокольской¹³. Авторы монографий изучили частично сохранившиеся и не сохранившиеся усадебные комплексы как памятники архитектуры и садово-паркового зодчества XVIII–XIX вв.

Значительный вклад в изучение темы представляет совместная статья Е.К. Савельевой и Л.В. Пашковой об усадьбах Саратовской губ., получивших известность как памятники культуры¹⁴. В ней дана характеристика художественной ценности ряда усадебных комплексов, а также сведения о собранных в них произведениях искусства. Комплекс проблем, связанных с особенностями усадебной культуры Саратовской губ., рассмотрен в публикации материалов II Боголюбовских чтений¹⁵. Среди статей, посвященных отдельным усадьбам, следует отметить работу Е.К. Савельевой об имении Нарышкиных Пады (Балашовский уезд Саратовской губ.)¹⁶. Усадебной культуре саратовского дворянства конца XVIII – первой половины XIX в. посвящен отдельный

параграф в диссертации Т.В. Платоновой¹⁷. Исследовательница пришла к выводу, что уровень развития усадебной культуры в Саратовской губ. был невысоким: «Блестящие загородные дворцы и огромные пейзажные парки нельзя считать неотъемлемой чертой социокультурного пространства Саратовской губернии». Усадебная культура там «носила довольно эфемерный характер», что было связано с отсутствием «давних культурных традиций»¹⁸. При этом губернский город был центром общения дворянства губернии, которое во многом способствовало формированию городской среды, являясь носителем высокой культуры¹⁹.

Круг источников, на основании которых можно изучать усадьбы землевладельцев Саратовской губ. конца XVIII – первой половины XIX в., не слишком обширен. Наиболее интересные сведения содержатся в мемуарах современников. Исследователи неоднократно обращались к воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, который подробно описал и городскую жизнь, и особые черты крупнейших и наиболее известных усадеб Саратовской губ.²⁰ О том, в каком состоянии находился дворцово-парковый комплекс в Надеждино в 1848 г., повествует очерк Д. Карташева²¹. Описания усадеб мелких землевладельцев Саратовской губ. встречаются в записках В.А. Инсарского²², очерке А.Н. Минха²³.

Культура господствующего сословия Саратова в рассматриваемое время была на самом видном месте. Она во многом определяла его облик и, в некоторой степени, даже ритм жизни. Конечно, Саратов не являлся исключением среди губернских центров России. Тема пребывания дворянства в городе ярко освещена в записках И.И. Мешкова²⁴, мемуарах А.С. Пищевича²⁵, записках К.И. Попова²⁶. Определенные сведения о жизни саратовского дворянства содержатся в автобиографических заметках Н.Г. Чернышевского²⁷. Упомянутый выше А.Н. Минх в очерке «Саратов и его жизнь в 1853 г.» создал яркую картину жизни города²⁸. Он описал особенности местоположения, планировки и застройки Саратова, показал влияние природной среды и промышленно-торговой деятельности населения на городскую жизнь. Значительное внимание автор уделил культурным ресурсам, подробно осветил бытовые привычки и формы проведения досуга дворянства.

Рассматривая вопрос о месте дворянской культуры в жизни Саратова с конца XVIII до середины XIX в., следует обратить внимание на то, какие перемены произошли в городе после придания ему статуса центра губернии. Мешков сообщает, что после этого в Саратове появилось большое число дворянских семей. Он утверждает, что до создания губернии «из дворянства никто в нем не жил, а находились все по деревням, купечества было незначительно, а прочие обыватели все принадлежали к низшему сословию»²⁹. Автор не совсем точно передает особенности социальной ситуации в Саратове в XVIII в. Обычно в городе проживали дворяне, находившиеся на военной службе. Но до образования губернии дворянских имений вблизи Саратова действительно не было³⁰. После создания губернии, по словам Мешкова, Саратов «переродился». Наиболее впечатляющие перемены были связаны с появлением в нем многочисленного дворянства: «благородная публика в городе сделалась огромною, составившись из определенных членов (т.е. назначенных на службу в органы управления. – А.М.) и дворянства, на жительство оставшегося, семейства этих лиц его умножали. Все стало великопнее, торговля начала распространяться, привоз всего умножался»³¹.

На основании имеющихся источников невозможно судить, насколько изменилась планировка и застройка Саратова в последние десятилетия XVIII в. Известно только, что преобладали деревянные здания, город часто горел, вследствие чего изменялась планировка улиц. Определенной стабилизации в этом отношении удалось достичь только после 1812 г., когда правительство утвердило план города³². О том, как формировалась система городской застройки в первой половине XIX в., содержатся сведения в воспоминаниях К.И. Попова. Дворянские усадьбы стали важнейшим структурным элементом застройки в Саратове. Во многом именно они определяли облик города. Мемуаристы не уделяли особого внимания описанию этих усадеб. Пищевич упоминает, что в начале 1790-х гг., по крайней мере, некоторые из них имели «верхнее

жилье» (возможно, речь идет о мезонинах). В доме Линицкого на стенах комнат висели картины, в кабинете хозяина стояла модная мебель. Упоминается и другой богатый многокомнатный дом (без имени его хозяина), в котором квартировал полковник, и где была возможность устроить кабинет для полковницы и поместить ее библиотеку³³. «Лучшие в городе дома», конечно, имели залы для танцев. По словам Пищевича, в начале 1790-х гг. в Саратове «дни в неделю были разобраны лучшими в городе домами», в которые съезжались, чтобы проводить вечера за картами и танцевать³⁴. (У дворянского общества тогда еще не было собственного дома, он был приобретен в 1804 г.³⁵)

Судя по воспоминаниям современников, 1780–1790-е гг. являлись временем, когда дворянское общество в городе было многочисленным, и его представители не отказывали себе в удовольствиях. Позднее произошел отток дворянства в деревни. Платонова обратила внимание на замечание саратовских краеведов о том, что в первой четверти XIX в. образ жизни саратовцев был более скромным, чем в других губернских городах, что объясняется малочисленностью дворянства³⁶. Как видим, характеристика образа жизни в городе напрямую связывается с составом дворянского общества. Платонова приводит также впечатления Я.В. Сабурова, который посетил Саратов в 1830-х гг. Сабуров писал, что дворянское общество в городе, ранее многочисленное и богатое, утратило прежний облик, помещики разъехались по деревням. Он объясняет это экономическими трудностями, которые переживали помещики³⁷. Все это могло быть одним из последствий тяжелой эпидемии холеры, которая охватила Саратов в 1830–1831 гг.³⁸ Позднее, вероятно, начался новый приток населения в город, в том числе, и представителей дворянского сословия. В начале 1850-х гг. дворяне в городе снова заняли самое видное место. Минх красочно и не без удовольствия повествует: «К зиме съезжается снова саратовский “beaumonde”, начинаются балы, маскарады, театры; город снова оживляется... По улицам несется отличный рысак в щегольских санках, мелькает белая шляпка, и из-за вуали блеснет пара черных глаз губернской красавицы; или промчится губернский франтик в цилиндре, перегнувшись на сторону и любуясь бегом своего вороного; щегольская карета на лежачих рессорах, зимних полуколесах и парой кровных серых в упряжи; появится и тяжелый четырехместный возок с семейством А-ва, влекомый четверней огромных лошадей»³⁹.

Значительное место в мемуарах занимают описания развлечений саратовского «благородного общества». Несмотря на впечатление масштабности, всеобщего веселья, непритворного увлечения участников этих вечеров, праздничных обедов, балов и маскарадов, не следует забывать, что они были доступны только определенному кругу жителей города. К участию в них допускались и чиновники, но, видимо, не все. К.И. Попов упоминает, что губернатор А.Д. Панчулидзе (был губернатором с 1808 г. по 1826 г.) приглашал на балы чиновников своей канцелярии. Те из них, кто не могли участвовать в бале «по бедности», наблюдали за танцующими с хоров, на которых сидели музыканты⁴⁰. Формы увеселений дворянского общества в Саратове были те же, что и в других губернских городах, поскольку все они ориентировались на столицы.

В то же время дворяне не ограничивались развлечениями замкнутого, сословного характера, они принимали участие и в народных праздниках. В воспоминаниях Попова есть описание празднования Пасхи в Саратове в первой четверти XIX в. Он сообщает, что в городе было «исстари заведено в неделю Пасхи устраивать для удовольствия жителей качели на Театральной площади, палатки, столики для распродажи разных закусок, сластей и балаганы для фигляров». Посмотреть на него и принять в нем участие съезжались представители городской верхушки – «семейства почетных дворян, чиновников и купцов». Они приезжали в каретах и различных экипажах. Мемуарист особо отмечает «пышные наряды» женщин и девушек, которые хотели «людей посмотреть и себя показать». Богатые гости праздника объезжали вокруг площади. Экипажей было много, они выстраивались «ряды в три»⁴¹.

Наши представления об образе жизни дворян в Саратове, об их влиянии на праздничную культуру города дополняют сведения о загородной усадьбе губернатора Панчулидзева. Она является наиболее известной саратовской усадьбой изучаемого периода.

Внимание современников она привлекала своими масштабами, особенностями благоустройства и необычной удаленностью от города. Новым для своего времени являлось и то, что «дача Панчулидзева», как ее называют авторы мемуаров, была открыта для публики в праздничные дни и выполняла функцию городского общественного сада. «Сюда, – пишет Попов, – в весеннее и летнее время в праздники и торжественные дни саратовцы всех сословий сходились гулять, пользоваться приятным воздухом и благотворным запахом цветов». Вход в сад был бесплатным: «запрещения не было никому, только бы прилично были одеты и держали себя пристойно»⁴². Можно усомниться в том, что в сад допускали «все сословия», оговорка насчет приличной одежды и пристойного поведения свидетельствует о реальном наличии ограничений для посещения сада. И все же дача Панчулидзева фактически была первым общедоступным садом в Саратове. Устраивая его, Панчулидзева следовал определенной моде. Существование подобных частных садов было характерно для Санкт-Петербурга и Москвы. О.С. Евангулова отмечает, что в конце царствования Екатерины II дачи А.А. и А.Л. Нарышкиных в окрестностях Санкт-Петербурга, а в Подмоскovie имения Кусково и Останкино «были предназначены не только для личного пользования и приема небольшого числа знакомых, но и для более широкого круга посетителей и участников празднеств»⁴³.

Усадьба Панчулидзева была создана позднее, чем знаменитые дачи столичных вельмож. Вначале был насажден сад (к 1812 г. он уже несколько лет существовал)⁴⁴. Усадебные постройки были возведены, как считают саратовские исследователи, в 1821 г.⁴⁵ Территория, на которой находилась усадьба, в середине XIX в. вошла в черту города. Усадебные постройки не сохранились, в 1854 г. на их месте было возведено здание Мариинского института благородных девиц⁴⁶. Дача Панчулидзева занимает в истории Саратова особое место – ничего, равного ей по масштабам, впоследствии не построили. Дело в том, что к 1820-м гг. создание подобных комплексов в России утратило актуальность⁴⁷.

Описания сада, принадлежавшего Панчулидзеву, оставили К.И. Попов и Н.Г. Чернышевский. Попов сам бывал в этой усадьбе, а Чернышевский опирался на «рассказы бабушки и бабушкиной компании». Существенных расхождений у двух мемуаристов не наблюдается. Чернышевский отмечает, что усадьба Панчулидзева представляла собой «огромный (пропорционально тогдашнему саратовскому размеру) дом, с флигелями, службами, с другим домом, поменьше, но тоже большим, под боком, и у этого дома флигеля и службы, – все это тянулось, быть может, на целую треть версты, если считать по длине каменного забора»⁴⁸. Попов пишет, что из гостиной дачного дома «был выход на терраску в цветник. От цветника были проведены три аллеи, разделявшиеся разного рода деревьями: вишнями, бергамотами, дулями⁴⁹, сливами и местами сиренью и акациями». По сторонам от аллей располагался яблоневый сад. Аллеи тянулись до пруда, который разделял рощу на две части. В саду, на пруду и в роще были сооружения малых архитектурных форм: «по саду разбросаны были хорошо устроенные беседки..., чрез пруд проведены мосты лучшего устройства; около пруда и в самой роще были сделаны разных форматов и архитектуры беседки, скамейки и столики». Дорожки, окружавшие рощу, были расчищены и обсажены кустарником. Пруд тоже представлял зрелище благоуханного уголка природы, там «были лодочки, плавали лебеди, гуси лучшей породы и разных пород утки»⁵⁰. Чернышевский передает восторг смотрящего издали наблюдателя, у которого захватывает дух от сказочного зрелища: «Сад с прудами, пруды с островами и мостами, острова с киосками, киоски с цветными стеклами, цветные стекла с – нет, уже ни с чем больше, только сами с собою. По прудам плавали люди в лодках и лебеди без лодок, в роще и в саду, на мостах и на прудах и островах бывали иллюминации и фейерверки, в домах бывали балы и банкеты»⁵¹. Следует отметить, что элементы обустройства сада были ориентированы на «столичные стандарты». На основании описаний некоторых дач петербургских вельмож, составленных в конце XVIII в. И.Г. Георги, видно, что «водные аттракционы» были популярны в окрестностях столицы⁵².

Устройство таких масштабных комплексов, как усадьба Панчулидзева, было возможно только при наличии у владельцев солидных доходов. Даже в губернском городе такая усадьба являлась исключением, а в уездных городах Саратовской губ. ничего подобного не наблюдалось. Во многих из них в конце XVIII – первой половине XIX в. дворянство было представлено слабо или даже совсем отсутствовало⁵³.

На основании мемуаров можно составить представление о дворянских усадьбах в имениях. Интерес со стороны современников и потомков вызывали, в первую очередь, наиболее богатые усадьбы знати. А.А. Голомбиевский отмечал, что представления о «грандиозных роскошных усадьбах» чаще всего связаны с подмосковными имениями или дачами вблизи Санкт-Петербурга. Но бывали и исключения: «недовольные дипломаты, администраторы, обломки прежних царствований, экс-фавориты и потерявшие “кредит” любимцы удалялись в свои деревни и строили там себе дворцы». В Саратовской губ. были 2 усадьбы, которые появились именно таким образом – Зубриловка в имении князей Голицыных на реке Хопер и Надеждино, принадлежавшее князьям Куракиным⁵⁴. Описания этих усадеб и быта их владельцев, сделанные Ф.Ф. Вигелем, дополняются сведениями Верещагина и Голомбиевского.

«Самые роскошные» усадьбы Саратовской губ. начали формироваться с 1780-х гг. Начало устройства других знаменитых усадеб, которые существовали к середине XIX в., приходится уже на 1820–1830-е гг. К ним относятся усадебные комплексы в имениях Львовых – Бобылевке, Устиновых – Беково, Орловых-Денисовых – Шиханы⁵⁵. Владения Голицыных и Куракиных находились в крайних западных частях Саратовской губ., где дворянское землевладение появилось еще до создания самой губернии. Уровень благосостояния владельцев этих усадеб был намного выше, чем у соседних помещиков. Вигель пишет, что в начале XIX в. Зубриловка и Надеждино «красовались и славились... не только во всем околотке, но и во всех соседних губерниях»⁵⁶.

Основатели усадебных комплексов в Надеждино и Зубриловке оказались «отлученными» от императорского двора в самом конце эпохи, когда процветал фаворитизм. Кн. А.Б. Куракин, блестящий придворный, в 1782 г. был вынужден покинуть Петербург. Современники считали, что императрица не желала его видеть в столице из-за его искренней привязанности к наследнику Павлу Петровичу. После этого Куракин обосновался в своем имении Борисоглебском Сердобского уезда, переименованном им в Надеждино⁵⁷. Здесь по его распоряжению был построен сначала большой деревянный дом и разбит парк. Куракин тогда еще возлагал большие надежды на скорое возвращение в столицу. Об этом, кстати, говорит и новое название имения. Но надежды не оправдались, и спустя 9 лет после водворения владельца в Надеждино был выстроен каменный дом, который окрестные жители называли дворцом⁵⁸. Лишь в 1796 г., когда на престол вступил Павел I, князь получил возможность вернуться в Санкт-Петербург. Куракину был пожалован чин тайного советника, он стал государственным вице-канцлером. Однако при дворе Павла никто, даже искренне привязанный к нему с детских лет кн. Куракин, не мог долго оставаться в фаворе. В октябре 1798 г. князь был уволен от должности и вернулся в Надеждино. На сей раз его удаление от двора оказалось не столь длительным: в 1801 г., после воцарения Александра I, князь снова стал занимать придворные должности⁵⁹. Бывал ли князь в своем саратовском имении после возвращения к активной политической жизни, Голомбиевский не указывает. Унаследовавший имение племянник А.Б. Куракина и его потомки до конца 1860-х гг. не уделяли внимания этому владению⁶⁰.

Если имение Куракина в Сердобском уезде являлось наследственной вотчиной, то имение С.Ф. Голицына Зубриловка в Балашовском уезде было куплено им в 1780-х гг. Голицын был тогда генерал-майором и бывшим флигель-адъютантом Екатерины II⁶¹. Он не принадлежал к «знаменитой ветви» Голицыных, но смог сделать карьеру благодаря родственным связям: он был племянником президента военной коллегии З.Г. Чернышева и супругом племянницы Г. Потемкина⁶². Впоследствии потомки С.Ф. Голицына рассказывали, каким способом новый владелец имения сумел его благоустроить. Роскошный барский дом, красивая церковь, парк, цветники и оранжереи

были созданы трудом солдат Смоленского драгунского полка, который стоял в Зубриловке⁶³. Первые сведения о пребывании Голицына с семейством в этом имении относятся ко времени после 1797 г., когда он был отправлен Павлом I в отставку. Но тогда Голицыны не остались надолго в Саратовской губ. и вскоре уехали на Украину⁶⁴. При вступлении на престол Александра I С.Ф. Голицын был назначен инспектором Лифляндской инфантерии и генерал-губернатором Прибалтийского края, но в 1804 г. по собственному желанию вышел в отставку и «поехал жить на зиму, как все тогдашние бояре, в Москву, а на лето в свою Зубриловку»⁶⁵. Этот образ жизни он вел в течение нескольких лет, затем вновь был призван на военную службу и в 1810 г. погиб. Имение перешло по наследству его сыну Ф.С. Голицыну, который потратил много сил и средств на его благоустройство. После его смерти в 1826 г. Зубриловка ненадолго стала владением его брата Давыда (он вскоре погиб), а затем – сына Александра до его смерти в 1863 г., после чего хозяином имения стал, в свою очередь, его сын⁶⁶. Зубриловка, как в изучаемый период, так и позднее, была обитаема и являлась предметом забот владельцев.

В отличие от усадьбы Голицыных, «дворец» Куракина уже в середине XIX в. выглядел заброшенным. Тем не менее и тогда он привлекал внимание соседних помещиков, которые могли его посетить. Усадебный комплекс в Надеждино поражал своей красотой, живописным сочетанием построек с окрестным пейзажем и сохранившимися интерьерами, которые «переносили воображение лет на 30 назад». Впечатления от посещения усадьбы и парка описаны сердобским землевладельцем Д. Карташевым, который побывал в Надеждино летом 1848 г. Он подчеркивает «изящную простоту» в убранстве комнат и зал, чувство ностальгии по прошедшим временам и с грустью констатирует: «Надворные здания приходят в разрушение, прекрасные фасады их кое-где обезображены лубочными заделками окон, местами солома покрывает каменные стены; колонны склоняются на стороны... А давно ли все это было построено?»⁶⁷. «Седой дворецкий» мог провести по комнатам желающего увидеть ее внутреннее убранство. Разумеется, впускали во «дворец» людей, одетых не по-крестьянски. А в те годы, когда в Надеждино жил хозяин, в усадьбу часто съезжались гости. Здесь бывали пензенские и саратовские губернаторы, представители уездной администрации Сердобска Огаркин и Каракозов⁶⁸ и менее значительные лица из числа местных помещиков. Передавая впечатления своего отца, Вигель отмечает, что гости Куракина бывали поражены «изобилием и пышностью», неожиданно встреченными «в глуши»⁶⁹.

Гостеприимными хозяевами были и первые владельцы Зубриловки – С.Ф. и Ф.С. Голицыны, что также подчеркнуто в воспоминаниях Вигеля. Две богатейшие усадьбы, которые существовали в Саратовской губ. с конца XVIII в., не только демонстрировали роскошно устроенный дворянский быт. Это были дворцово-парковые ансамбли, созданные по образцам императорских и великокняжеских загородных резиденций, что было сразу же отмечено современниками. Вигель пишет, что Ф.С. Голицын, получив по наследству Зубриловку, начал переделывать усадьбу, «чтобы замок его походил на Павловский дворец», и проявлял бурную деятельность по устройству аллей в парке и водоемов⁷⁰.

Владельцы Зубриловки и Надеждино собрали коллекции произведений изобразительного искусства, прежде всего, портретов. В усадьбе Куракина интерьеры были украшены также гравюрами, которые создавались по заказу владельца, правда большая часть этих ценностей к середине XIX в. была вывезена наследниками в другое имение⁷¹. Предметы мебели, частично сохранившейся в усадьбе на протяжении полувека, в свое время дорогой и очень модной, превратились в музейные экспонаты⁷². В Зубриловке кроме галерей портретов была ценная коллекция произведений прикладного искусства – «фарфора, мрамора и бронзы», собранная, в основном, Ф.С. Голицыным. Все это оставалось в усадьбе до ее разгрома в 1905 г.⁷³ Таким образом, в изучаемый период усадьбы Куракина и Голицыных, являясь образцами дворцово-парковых комплексов, одновременно были дворцами-музеями для дворян-соседей.

Возможно, именно на них ориентировались наиболее состоятельные землевладельцы Саратовской и других соседних губерний, когда создавали собственные усадьбы, коллекционировали произведения искусства, собирали библиотеки. К середине XIX в. начали формироваться усадебные комплексы в Бобылевке Балашовского уезда, в Беково Сердобского уезда, в Шиханах Вольского уезда. Их можно отнести к числу «художественно организованных» поместий, но более скромных, чем имения Куракина и Голицыных. Расцвет усадебной культуры в Саратовской губ. относится ко второй половине XIX в.

Большинство имений Саратовской губ. принадлежало малосостоятельным дворянам. Мемуарист В.А. Инсарский происходил из среды таких землевладельцев, его саратовские родственники тоже были «маленькими помещиками». Инсарский описывает поездки в село Глядовку, в имение, полученное в приданое двоюродным братом мемуариста И.И. Пловым⁷⁴. (Глядовка относилась к Саратовскому уезду и была довольно большим селом, но она разделялась между несколькими собственниками⁷⁵.) Дом Пловых в Глядовке был настолько мал, что в нем не могли разместиться все приехавшие гости: «Маленький господский дом поступал в распоряжение старших, все остальные на походную ногу располагались по амбарам, сараям, сеновалам и т.п.»⁷⁶. Основным развлечением для мужчин в таких поместьях была охота.

Особые черты социокультурного облика саратовского дворянства связаны с рядом факторов. Дворянское сообщество Саратовской губ. сформировалось довольно поздно – в конце XVIII в. – и в короткие сроки. Здесь не было традиций усадебной культуры в том виде, в каком они существовали в регионах России с давней историей дворянского землевладения. Дворянские усадьбы не были распространены повсеместно в губернии. Уровень обеспеченности помещичьего хозяйства крепостными крестьянами был невысоким, поэтому местные землевладельцы постоянно занимались переселением крестьян в свои саратовские имения. Наиболее интенсивно этот процесс шел в 1820–1830-х гг.⁷⁷ От наличия достаточного числа рабочих рук зависели возможности помещиков создавать усадьбы, от уровня их доходов – затраты на удовлетворение собственных культурных потребностей и на участие в осуществлении мероприятий губернского масштаба. В Саратовской губ. контраст между мелкопоместными землевладельцами и богатейшими дворянами в социокультурном плане заметен очень ярко. В связи с этим необходимо сказать, что усадьбы Куракина и Голицыных, созданные в конце XVIII в., сыграли особую роль в культурном пространстве губернии. Они были своего рода трансляторами высоких достижений дворцово-паркового искусства и образцами дворцовых музеев для окрестных помещиков, которые туда приезжали. Бедные дворяне зачастую не имели другой возможности увидеть своими глазами дворцы и пейзажные парки. Более состоятельные землевладельцы видели в богатейших усадьбах образцы, которым стремились подражать.

Несмотря на трудности, которые возникали при налаживании хозяйства на новых местах, саратовские дворяне стремились участвовать в культурном процессе, как в масштабах Саратовской губ., так и в масштабах всей России. Однако это участие ограничивалось определенными сферами. К ним не относился литературный труд. Среди выдающихся русских писателей XIX в. нет представителей саратовского дворянства. Они не смогли реализовать свои художественные вкусы и в области архитектуры. Ввиду отсутствия у местных дворян необходимых средств, этот вид искусства в рассматриваемый период не получил в Саратовской губ. массового развития. Дворяне не смогли украсить репрезентативными постройками губернский город. Из особняков, возведенных с конца XVIII до середины XIX в., которые считаются украшением Саратова, местным дворянам принадлежали только дом М.А. Устинова (второе десятилетие XIX в.)⁷⁸, дом П.И. Иванова (1810-е гг.)⁷⁹, дом кн. Баратаева (1830-е гг.)⁸⁰ и дом С.А. Скибиневского (завершен в 1847 г.)⁸¹. В описанной выше загородной усадьбе губернатора Панчулидзева было 2 дома. Но ни один из них не вызвал восторга мемуаристов своей архитектурой. В середине XIX в. А.Н. Минх писал: «Саратов не отличается красотой зданий и улиц, это обширный город со множеством деревянных старых строений и заборов»⁸². Выдаю-

щиеся памятники архитектуры в изучаемый период были возведены в Надеждино и Зубриловке (хозяева этих имений в Саратове не проживали). В 1830 г. в с. Беково Сердобского уезда начал формироваться третий усадебный комплекс, который отличался «несомненными достоинствами как памятник архитектуры», но по масштабам уступал усадьбам Куракина и Голицыных. Беково тогда принадлежало М.А. Устинову⁸³.

Большинство саратовских дворян, не обладая солидными доходами, «подстраивались» под вкусы наиболее состоятельных землевладельцев и участвовали в организуемых ими мероприятиях, если это не требовало больших затрат. Отчасти следствием этого можно считать успешное развитие в Саратовской губ. театрального искусства, как в изучаемый период, так и позднее. Увлечение театром, ставшее модой в среде русской аристократии со второй половины XVIII в., в значительной степени затронуло и верхушку саратовского дворянства. В конце XVIII – начале XIX в. театральное искусство в Саратовской губ. было атрибутом богатых дворянских усадеб, владельцы которых создавали труппы крепостных актеров. В имениях Куракина, Голицыных, Столыпиных, Бахметевых существовали крепостные театры; некоторые из них давали представления и тогда, когда в Саратове уже действовал общедоступный театр⁸⁴.

В городской усадьбе Панчулидзева на рубеже XVIII–XIX вв. силами крепостных тоже ставились спектакли. Первый общедоступный театр в губернском городе был открыт в 1803 г. помещиком Г.В. Гладковым в специально построенном здании, но через 4 года хозяин перевел труппу в Пензу⁸⁵. В 1810 г. А.Д. Панчулидзева построил на Хлебной площади в Саратове деревянное здание для своего театра. Так же, как и гладковский театр, он был общедоступным, и основу его труппы составляли крепостные актеры. Но уже к середине 1820-х гг. владелец стал приглашать на работу гастролеров, а затем сдал свой театр в аренду⁸⁶. Можно считать, что с этого времени антреприза заменила в Саратове крепостной театр. В город, сменяя друг друга, приезжали различные труппы актеров⁸⁷.

К середине XIX в. театральное искусство в Саратове стало доступным для широких кругов населения, театр пользовался большой популярностью. В то время Саратов уже считался одним из «театральных» городов провинции, в этом качестве он упоминается в произведениях А.Н. Островского. Репертуар театральных трупп, которые работали в городе, говорит о взыскательном вкусе местной публики. О том же свидетельствуют неоднократно предпринимавшиеся попытки добиться разрешения постановки в Саратове комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Например, в 1861 г. разрешения поставить запрещенную комедию просили влиятельный саратовский дворянин, попечитель театра А. Столыпин и губернатор А.Д. Игнатьев (запрет на постановку был снят позднее, произведение Грибоедова было поставлено в саратовском театре в 1864 г.)⁸⁸. В дальнейшем театральное искусство успешно развивалось, и до настоящего времени Саратов продолжает сохранять репутацию одного из «театральных» городов России.

Увлечение музыкой также было распространенным явлением в среде саратовских землевладельцев. Богатейшие из них могли позволить себе содержание оркестров из крепостных крестьян. У кн. Куракина в Надеждино было 2 оркестра, один из них – роговой (он был создан, очевидно, чтобы показать изысканность вкуса его владельца)⁸⁹. В семье Бахметевых увлечение театром и музыкальным искусством, можно сказать, передавалось по наследству. Один из представителей этого рода Н.И. Бахметев (1807–1891) сам был хорошим музыкантом и дирижером. Он получил образование в Пажеском корпусе и одновременно обучался игре на скрипке. В 1842 г. Бахметев вышел в отставку и приехал в свое имение Бахметевку Аткарского уезда. Очевидно, к тому времени в его поместье уже существовали оркестр и хор из крепостных, потому что уже в сезон 1842–1843 гг. он привез своих певцов и музыкантов в Саратов и давал в городе концерты. Репертуар его крепостных музыкантов включал сложные произведения, требующие серьезной профессиональной подготовки – исполнялись отрывки из опер и ораторий⁹⁰. В 1848–1851 гг. прошел еще ряд концертов оркестра Бахметева, в которых он выступал не только как руководитель, но и как скрипач-солист⁹¹. После 1861 г. судьба Бахметева уже была связана с Санкт-Петербургом, ему удалось добиться все-российской известности в качестве музыканта и композитора.

Не все саратовские дворяне могли содержать собственные оркестры, но некоторые из них сами увлекались музицированием. Минх в своем очерке отмечает, что в городе много любителей музыки и что в доме Цеклинских каждую неделю бывают музыкальные вечера, на которые собираются музыканты-любители⁹². Речь идет, конечно, о представителях дворянского общества, так как Минх основное внимание уделяет этому слою городского населения. Звучала музыка и в дворянских усадьбах в исполнении их владельцев. Известно, что хозяин усадьбы Беково А.М. Устинов хорошо играл на виолончели, интересовался теорией и историей музыкального искусства⁹³.

В Саратове бывали не только музыкальные вечера. В 1853 г. в зале дворянского собрания любители музыки организовали большой концерт, имевший, по словам автора статьи в «Саратовских губернских ведомостях», «блестательный успех»⁹⁴. На концерте звучала симфоническая и хоровая музыка. Здесь наряду с профессиональными музыкантами выступили и любители, высокий уровень их мастерства был отмечен особо. В газете названо общее число выступавших – 63 музыканта и 33 певчих (т.е. хористов). Содержание статьи показывает владение ее автора приемами музыкальной критики. Таким образом, саратовские дворяне были компетентными ценителями музыкального искусства и сами могли выступать на сцене. Увлечение серьезной музыкой в их среде можно назвать массовым явлением, поскольку на концерте присутствовали около 300 слушателей⁹⁵. Ценители музыки из среды дворянства и в дальнейшем способствовали развитию в Саратове этого искусства. В 1873 г., по ходатайству губернатора М.Н. Галкина-Враского, саратовцы получили разрешение создать отделение Императорского русского музыкального общества⁹⁶. Это начинание имело благотворные последствия для города и всей губернии. Одним из результатов деятельности общества было открытие в 1912 г. в Саратове консерватории, которая стала первым в российской провинции высшим музыкальным учебным заведением.

Таким образом, своеобразие духовной культуры Саратовской губ. формировалось при активном участии представителей местного дворянского общества. В то же время, его влияние на культурное пространство региона в период с конца XVIII до середины XIX в. не было всеобъемлющим. Несмотря на разницу, порой весьма существенную, в материальной обеспеченности, все дворяне обладали общими сословными привилегиями и ценностными установками. Это способствовало поддержанию обособленности их культурных традиций.

Одним из преимуществ дворян перед прочими сословиями была доступность для их детей качественного образования. Поэтому среди деятелей русской культуры XVIII–XIX вв. дворяне занимают столь значительное место. Некоторые представители саратовского дворянского общества уже в первой половине XIX в. играли заметную роль в культурной жизни своей губернии. Среди них встречаются также личности, которые вошли в историю русской науки и культуры. Одним из них был И. А. Стемпковский (1789–1832), сын дворянина Саратовской губ., один из основоположников археологии античности в России. По мнению А.А. Формозова, записка Стемпковского «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» – это «программный документ для русской археологии начала XIX в.»⁹⁷. Научные достижения Стемпковского были известны его зарубежным коллегам – он являлся членом Парижской академии надписей и словесности и Парижского азиатского общества⁹⁸. Стемпковский родился в Саратовской губ. и до 15-летнего возраста жил в Саратове⁹⁹. К сожалению, личность Стемпковского и его судьба пока не привлекали внимания саратовских историков.

Современник Стемпковского А.С. Кайсаров (1782–1813) уже давно находится в поле зрения краеведов, как человек, связанный «самыми тесными родственными и духовными узами с Саратовской землей»¹⁰⁰. Он родился в Саратовской губ., в Саратове прожил около 2 лет, с конца 1808 г. и примерно до августа 1810 г. Результатом его пребывания в губернском городе стал цикл стихотворений «Саратовские безделки»¹⁰¹. Весной 1811 г. он приступил к чтению курса лекций в Дерптском университете, в котором был избран на должность профессора. Кайсаров вошел в историю науки как автор 2 замечательных трудов: докторской диссертации на тему об освобождении крепост-

ных в России и сочинения «Мифология славянская и российская». Он считается одним из первых исследователей в области славянской филологии. Кайсаров был не только талантливым ученым, он известен своим участием в Отечественной войне 1812 г., погиб во время заграничного похода русской армии¹⁰².

Владелец усадьбы Беково А.М. Устинов (1802–1883), о котором уже было сказано как о музыканте-любителе, знаменит в истории Саратовской губ. тем, что поддерживал дружеские связи и знакомство со многими замечательными людьми своего времени. Он был знаком даже с А.С. Пушкиным¹⁰³. Кроме того, Устинов достиг значительных успехов в области садоводства и цветоводства. В 1835 г. он был избран членом Российского общества любителей садоводства.

Как видим, представители саратовского дворянского общества уже в первой половине XIX в. активно участвовали в процессе развития русской культуры. Сословная культура саратовского дворянства была включена в общий поток русской дворянской культуры и обладала ее особенностями. Будучи целостной, она не отличалась однородностью. Главной причиной существования в ней разных уровней была неодинаковая материальная обеспеченность дворян. Богатые и богатейшие семьи составляли меньшинство, основная же масса имела очень низкий уровень доходов. Но все они обладали общими сословными привилегиями и ценностными установками, относительно более высокой и стабильной материальной обеспеченностью по сравнению с другими слоями населения. Это давало возможность дворянам не только поддерживать обособленность своих культурных традиций, но и оказывать влияние на развитие культуры своего региона.

Облик губернского города, его планировка и застройка во многом зависели от уровня достатка и от представлений дворянства о комфорте и о красоте архитектурных форм. Усадьбы в имениях и построенные помещиками церкви придавали неповторимые черты сельским ландшафтам. Расширение культурных ресурсов губернии также происходило под влиянием дворянского общества. Создание учебных заведений, библиотек, театров, музейных собраний, организация выпуска периодических изданий в губерниях часто являлись результатом инициативы состоятельных и образованных дворян. Если же подобные начинания осуществлялись под давлением со стороны правительства, то дворянское общество в административном порядке было обязано их финансировать. Гимназия в Саратове была открыта в 1820 г., при этом местное дворянское общество приняло участие в покупке для нее здания. Правда, сам процесс был осложнен из-за недоверия благородного общества к финансовым махинациям губернатора А.Д. Панчулидзева¹⁰⁴. На создание публичной библиотеки, которая была открыта при саратовской гимназии в 1831 г., дворянское общество специально выделило 100 руб. «из процентной суммы дворянского капитала»¹⁰⁵.

Причиной масштабного влияния культуры дворянства на общее развитие русской культуры в изучаемый период было не только доминирующее положение сословия в русском обществе и сосредоточение в его руках материальных богатств. Дворянская культура обладала способностью к интенсивному саморазвитию. Эта способность была следствием ее двойственности, внутренней противоречивости, которые придавали ей особую напряженность. Природа этой двойственности была всегда на виду – русское дворянство, с одной стороны, не могло отказаться от своей национальной культуры (хотя в его среде были личности, которые пытались осуществить это на практике), а с другой – испытывало сильнейшее воздействие культур европейских народов. О.Ю. Солодянкина отмечает, что для русских дворян в XVIII в. было характерно «стремление европеизоваться, утратить собственную русскую идентичность, заменив ее космополитизмом или даже стремлением обрести какую-то иную (например, французскую) идентичность. Для XIX в. характерно обратное стремление русифицироваться, реализуемое “космополитами от воспитания” – воспитанниками иностранных гувернеров (как граф С.С. Уваров и сам император Николай I)»¹⁰⁶.

Русские дворяне, получившие «хорошее воспитание», производили впечатление европейцев – об этом свидетельствуют отзывы иностранцев, которые побывали в Рос-

сии в конце XVIII – начале XIX в. Тем не менее представители этого сословия, даже те, кто родился и воспитывался в столицах и путешествовал по европейским странам, были приобщены с раннего детства к русской культуре. Первыми воспитателями детей в дворянских семьях были русские кормилицы и нянюшки, которые учили их родному языку и приобщали к фольклору. В домашнем быту любой дворянин был окружен слугами и дворовыми, постоянно слышал русскую речь, наблюдал за русскими обычаями и часто сам им следовал. В ведении своего хозяйства владелец имений должен был учитывать народные традиции, незнание или пренебрежение которыми могло обернуться крупными убытками. Таким образом, и бытовая сторона жизни, и материальное благополучие дворянина крепко связывали его с народной культурой.

Отношение дворянской элиты к народному искусству, к русской культуре было предметом интереса писателей и публицистов. Во второй половине XIX в. ученые-этнографы обратили внимание на то, что определенные стороны народной культуры оказали неизгладимое воздействие на бытовую и духовную культуру дворянства. Минх в одном из своих очерков пишет: «Когда я смотрю на кружок взрослых парней и девок, собравшихся около старика рассказчика, послушаю его небылицы, то мне является перед глазами другая картина: старушка няня или мамка в недавнее прошлое время, окруженная маленькими барчатами, рассказывающая разные страсти – как схожи эти дети с теми взрослыми, которые собрались около старика: то же внимание, та же безусловная вера в сверхъестественное. Вера эта и предрассудки эти еще до сих пор встречаются и в нашем *барском* быту... Еще и теперь молодежь гадает на святки, старички верят картам и раскладывают по ним будущее или прибегают к ворожеям: при многих болезнях, имея даже под руками докторов, мы прибегаем к *симпатическим* средствам, которые, в сущности, то же, что *умывание с уголька при глазе* и т.п. средства, употребляемые деревенскими ворожеями, только под иностранными фирмами (курсив А.Н. Минха. – А.М.)»¹⁰⁷. Минх обращает внимание на черты помещичьего быта, характерные для основной массы дворянства. Интерес и тяга к русским традициям не были чужды и аристократическим кругам. Об этом свидетельствует, в частности, замечание Д. Карташева, который описал усадьбу Надеждино. Со слов очевидцев он сообщает: «Князь часто устраивал здесь крестьянские праздники, особенно в день Бориса и Глеба, во имя коих освящена церковь в Александровской слободе, и в Троицын день, празднуемый в домово́й церкви»¹⁰⁸. Следует вспомнить, что князь был воспитан вместе с наследником престола Павлом и путешествовал по Европе для завершения своего образования. И для этого рафинированного аристократа, по воле которого был построен настоящий дворец и разбит парк в соответствии со столичной модой, зрелище русского престольного праздника было приятным развлечением. Это было возможно только потому, что он с детства приобщался к русским обычаям, хотя никто из его окружения, да и он сам, не задумывались об этом.

Генетические связи с традиционной народной культурой и динамизм развития, который был характерен для культуры дворянства, обеспечили долговечность ее определенным достижениям. На примере Саратовской губ. можно отметить, как отдельные ее стороны актуализировались в культурном пространстве уже в XX в. Удивительную метаморфозу претерпела усадьба. К началу прошлого столетия она утратила свое значение как социокультурная среда дворянства, но продолжила свое существование уже в другом измерении. Усадьба Голицыных в Зубриловке вошла в историю русской живописи как поэтический образ, воссозданный художником В.Э. Борисовым-Мусатовым в его полотнах «Гобелен», «Водоем», «Призраки», «Сон божества», «Прогулка при закате». Роль усадьбы оказалась значительной в создании музеев Саратовской обл. В них были переданы после революции отдельные произведения искусства и другие музейные предметы, которые ранее хранились в усадьбах¹⁰⁹. Однако сами по себе усадебные комплексы Саратовской губ. не получили статуса музеев. В настоящее время только один из них продолжает свое существование – усадебный комплекс в селе Пады в Балашовском районе (бывшее имение Нарышкиных), который сформировался в конце XIX в.

Примечания

¹ *Юровский Л.Н.* Саратовские вотчины: Статистико-экономические очерки и материалы по истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия. Саратов, 1923. С. 27.

² *Мурзина И.Я.* Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 62.

³ История внешней политики России. XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2000. С. 124, 134.

⁴ *Платонова Т.В.* Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. С. 92.

⁵ *Юровский Л.Н.* Указ. соч. С. 4.

⁶ *Платонова Т.В.* Указ. соч. С. 96–97.

⁷ *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 265.

⁸ *Евангулова О.С.* Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 33–40.

⁹ *Кошман Л.В.* Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ *Верецагин В.* Разоренное гнездо // Старые годы. 1908. Март. С. 133–149.

¹² *Голомбевский А.А.* Покинутая усадьба: Село Надеждино. Бывшее имение князей Куракиных // Старые годы. 1911. Январь. С. 3–25.

¹³ *Ежова И.К.* Дворцово-парковые ансамбли в Поволжье конца XVIII – начала XIX века. Саратов, 1979; *Сокольская О.Б.* «Зеленое зодчество» Саратовского Поволжья. Саратов, 1993.

¹⁴ *Савельева Е.К., Паишкова Л.В.* Отзвук славного былого // Памятники Отечества: Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: Вольная губерния. 1998. № 40 (3–4). С. 174–189.

¹⁵ Дворянские усадьбы Саратовской губернии: Материалы вторых Боголюбовских чтений. 29–31 марта 1995 г. Саратов, 1998.

¹⁶ *Савельева Е.К.* Пады // Русская усадьба: Сборник общества изучения русской усадьбы. Вып. 11 (27). М., 2005. С. 461–471.

¹⁷ *Платонова Т.В.* Указ. соч. С. 126–152.

¹⁸ Там же. С. 150–151.

¹⁹ Там же. С. 152–179.

²⁰ [Вигель Ф.Ф.] Воспоминания Ф.Ф. Вигеля. Ч. 1–4. М., 1864.

²¹ *Карташев Д.* Село Надеждино (в Сердобском уезде) // Иллюстрация. 1848. № 30. С. 86–88.

²² *Инсарский В.А.* Половодье: Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб., 1875. В.А. Инсарский (1814–1882), сын небогатого пензенского дворянина; по материнской линии имел родственников в Саратовской губ., неоднократно бывал у них в гостях.

²³ *Минх А.Н.* Коленская волость Аткарского уезда // Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 1. Саратов, 1881. С. 65–176. А.Н. Минх (1833–1912), дворянин Саратовской губ., общественный деятель и один из наиболее активных исследователей ее истории (*Сафронов Ю.А.* Минх Александр Николаевич // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 515).

²⁴ [Мешков И.И.] Записки Ивана Ивановича Мешкова 1767–1832 гг. // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 5–6.

²⁵ [Пишчевич А.С.] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная: 1764–1805. М., 1885. А.С. Пишчевич, дворянин сербского происхождения (родился в 1764 г., дата смерти неизвестна). После окончания частного училища в 1782 г. был записан в Санкт-Петербургский драгунский полк, с которым был в Крыму и на Кавказе. В 1792 г. получил чин капитана и перешел на службу в Ростовский карабинерский полк, местом квартирования которого после русско-турецкой войны была назначена Саратовская губ. Пишчевич с удовольствием писал о «саратовских веселостях», о местных красавицах и весьма иронично – о губернаторе, чиновниках и торговцах.

²⁶ [Попов К.И.] Записки о Саратове К.И. Попова // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1983. К.И. Попов (1810–1877), титулярный советник, служивший в канцелярии губернатора.

- ²⁷ Чернышевский Н.Г. Из автобиографии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 1. М., 1939. С. 566–713.
- ²⁸ Минх А.Н. Саратов и его жизнь в 1853 г. // Земли родной минувшая судьба: Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края. Саратов, 2007. С. 226–243.
- ²⁹ Мешков И.И. Указ. соч. С. 182.
- ³⁰ Гераклитов А.А. Мелочи из прошлого Саратовского края. (Из архивных документов) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 28. Саратов, 1911. С. 7.
- ³¹ Мешков И.И. Указ. соч. С. 185.
- ³² Терехин С.О. Развитие Саратова по плану 1812 г. // Четыре века: Сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 104.
- ³³ Пишчевич А.С. Указ. соч. С. 162–165.
- ³⁴ Там же. С. 159.
- ³⁵ Платонова Т.В. Указ. соч. С. 74.
- ³⁶ Там же. С. 158.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Попов К.И. Указ. соч. С. 195–201.
- ³⁹ Минх А.Н. Саратов и его жизнь... С. 240.
- ⁴⁰ Попов К.И. Указ. соч. С. 167.
- ⁴¹ Там же. С. 170.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Евангулова О.С. Указ. соч. С. 36.
- ⁴⁴ Шенк К.Х.Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Доклады Академии военных наук: Военная история. 2004. № 12. С. 89.
- ⁴⁵ Сокольская О.Б. Указ. соч. С. 54.
- ⁴⁶ Там же. С. 54–55; Миловидова И.Б. Приусадебные парки – памятники природы, истории и культуры // Дворянские усадьбы Саратовской губернии. Саратов, 1998. С. 72.
- ⁴⁷ Марасинова В.П., Каждан Т.П. Указ. соч. С. 273.
- ⁴⁸ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 648–649.
- ⁴⁹ Бергамоты и дули – сорта груш.
- ⁵⁰ Попов К.И. Указ. соч. С. 170.
- ⁵¹ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 649.
- ⁵² Евангулова О.С. Указ. соч. С. 33.
- ⁵³ Платонова Т.В. Указ. соч. С. 152.
- ⁵⁴ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 3.
- ⁵⁵ Максимов Е.К. Усадьба Устиновых Беково // Дворянские усадьбы Саратовский губернии... С. 10–11; Савельева Е.К., Пащикова Л.В. Указ. соч. С. 182–183; Самохвалова Н.В. Бобылевка – родовое гнездо Львовых // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Тверь, 2005. С. 331.
- ⁵⁶ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 78.
- ⁵⁷ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 12.
- ⁵⁸ Там же. С. 14.
- ⁵⁹ Куракин Александр Борисович // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 386–287.
- ⁶⁰ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 23.
- ⁶¹ Верецагин В. Указ. соч. С. 133.
- ⁶² Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 128–129.
- ⁶³ Верецагин В. Указ. соч. Ч. 1. С. 133.
- ⁶⁴ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 122, 124.
- ⁶⁵ Там же. Ч. 2. С. 75.
- ⁶⁶ Верецагин В. Указ. соч. С. 137–141.
- ⁶⁷ Карташев Д. Указ. соч. С. 8.
- ⁶⁸ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 19.
- ⁶⁹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 204.
- ⁷⁰ Там же. Ч. 4. С. 97.
- ⁷¹ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 10, 13, 19, 21.
- ⁷² Карташев Д. Указ. соч. С. 86.
- ⁷³ Верецагин В. Указ. соч. С. 141–143.

- ⁷⁴ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 222.
- ⁷⁵ Списки населенных мест Саратовской губернии: Саратовский уезд. Саратов, 1912. С. 34.
- ⁷⁶ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 225.
- ⁷⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 132.
- ⁷⁸ *Терехин С.О.* Века и камни (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 25.
- ⁷⁹ Городские этюды. Саратов. Литье, ковка: Альбом. Тексты В. А. Давыдова. Самара, 2009. С. 74.
- ⁸⁰ *Терехин С.О.* Указ. соч. С. 32.
- ⁸¹ Городские этюды... С. 34.
- ⁸² *Минх А.Н.* Саратов и его жизнь... С. 232.
- ⁸³ *Савельева Е.К., Пашкова Л.В.* Указ. соч. С. 179.
- ⁸⁴ *Дьяконов В.А.* Театральное искусство // Энциклопедия Саратовского края... С. 533.
- ⁸⁵ *Платонова Т.В.* Указ. соч. С. 166.
- ⁸⁶ *Дьяконов В.А.* Лицеден, певчие, музыканты: Из истории саратовских театров. Саратов, 1991. С. 75.
- ⁸⁷ Там же. С. 76.
- ⁸⁸ Там же. С. 108–109.
- ⁸⁹ Там же. С. 16–17.
- ⁹⁰ *Демченко А.И.* Два столетия музыкальной культуры Саратова. Саратов, 2006. С. 5.
- ⁹¹ *Ямпольский И.М.* Бахметьев Николай Иванович // Музыкальная энциклопедия. Т. 1. М., 1991. С. 366.
- ⁹² *Минх А.Н.* Саратов и его жизнь... С. 242.
- ⁹³ *Максимов Е.К.* Указ. соч. С. 13–14.
- ⁹⁴ Саратовские губернские ведомости. 1853. 17 января.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ *Самохвалова Н.В.* Первая в провинции // Ученые – свет (Кем быть или образование в Саратовской губернии). Саратов, 2006. С. 129.
- ⁹⁷ *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 40.
- ⁹⁸ *Стемпковский Иван Александрович* // Русский биографический словарь: Смеловский–Суворина. СПб., 1909. М., 1999 (Репринт). С. 380.
- ⁹⁹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГА СО), ф. 19, оп. 1, д. 1205, л. 56.
- ¹⁰⁰ *Левин С.В., Тотфалушин В.П.* Жизнь и деятельность Кайсарова // Четыре века: Сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 190.
- ¹⁰¹ *Шиленко М.А.* «Саратовские безделки» А.С. Кайсарова // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития: Материалы межрегиональной научной конференции к 120-летию Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Саратов, 2006. С. 202.
- ¹⁰² Там же. С. 202–204, 207.
- ¹⁰³ *Максимов Е.К.* Указ. соч. С. 12–15.
- ¹⁰⁴ *Майорова А.С.* Учебные заведения в повседневной жизни Саратова в первой половине XIX века // Городская повседневность в России и на Западе: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2006. С. 116–120.
- ¹⁰⁵ ГА СО, ф. 19, оп. 1, д. 601, л. 132, 137 об.
- ¹⁰⁶ *Солодянкина О.Ю.* Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Отечественная история. 2008. № 4. С. 19.
- ¹⁰⁷ *Минх А.Н.* Коленская волость... С. 104–105.
- ¹⁰⁸ *Карташев Д.* Указ. соч. С. 87.
- ¹⁰⁹ *Савельева Е.К., Пашкова Л.В.* Указ. соч.